

ЯРОСЛАВСКАЯ ОППОЗИЦИЯ МИТРОПОЛИТУ СЕРГИЮ (СТРАГОРОДСКОМУ) И МИТРОПОЛИТ АГАФАНГЕЛ (ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ)¹

ИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР МАЗЫРИН

магистр богосл., к. ист. н., доцент кафедры Истории Русской Церкви ПСТГУ

В статье исследуется имевшее место в 1928 г. выступление против временно управлявшего Русской Церковью митрополита Нижегородского Сергия группы иерархов во главе с митрополитом Ярославским Агафангелом. Рассматриваются события, предшествовавшие Ярославскому выступлению, анализируются мотивы, побудившие архиереев-ярославцев заявить об отделении от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Автор приходит к выводу, что Ярославскими иерархами двигали отнюдь не какие-то честолюбивые устремления, как это представляли отдельные комментаторы. Они пытались вернуть митрополита Сергия на путь исповеднической борьбы за внутреннюю свободу Церкви, однако в условиях того времени эта задача оказалась невыполнимой.

К числу наиболее трудных страниц новейшей истории Русской Православной Церкви относится история так называемой «правой» оппозиции митрополиту Сергию – широкого внутрицерковного движения, в основе которого лежало неприятие инициированного ОГПУ курса церковной политики Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Эта политика, обычно ассоциируемая с печально известной июльской Декларацией 1927 г., привела к уходу в оппозицию митрополиту Сергию более сорока российских епископов (не считая находившихся за рубежом). В ряду многочисленных выступлений оппозиции конца 1920-х годов можно особо выделить выступление Ярославских иерархов в феврале 1928 года. Его значение определялось тем, что трем из пяти иерархов, заявившим тогда об отделении от митрополита Сергия, довелось в 1920-е годы при разных обстоятельствах стоять во главе высшего управления Русской Церкви. Первый из них – митрополит Ярославский Агафангел, старейший по сану и хирото-

¹ Отрывок из готовящейся к изданию книги «Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах».

нии архиерей Русской Церкви – в мае 1922 г. был назначен Святейшим Патриархом Тихоном своим заместителем. Два других – митрополит Иосиф (Петровых) и архиепископ Серафим (Самойлович) – в конце 1926-го – начале 1927 г. последовательно исполняли обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя во время пребывания в заключении митрополитов Петра и Сергия. Выступление ярославцев вызвало большое число откликов у современников и в последующее время не было обойдено вниманием церковных историков. Нельзя, однако, сказать, что обстоятельства возникновения ярославской оппозиции исследованы с исчерпывающей полнотой. Во многом остается открытым вопрос о распределении ролей участников совместного выступления и, прежде всего, – о роли митрополита Агафангела. Рассмотрению, главным образом, этого вопроса и посвящена предлагаемая статья.

Еще до появления на свет июльской Декларации 1927 год вошел в историю Патриаршей Церкви как год легализации ее высшего управления. Существует свидетельство, что начальник 6-го («церковного») отделения Секретного отдела ОГПУ Е.А. Тучков, потерпевший в 1926 г. неудачу в попытке использовать митрополита Агафангела в своих планах², снова предлагал Ярославскому святителю встать во главе Русской Церкви при условии подчинения ее внутренней жизни контролю ОГПУ. Сообщение об этом содержится в очерке Е.В. Апушкиной «Крестный путь преосвященного Афанасия (Сахарова)»: *«Перед тем как митрополит Сергей стал заместителем Местоблюстителя, его роль Тучков предлагал тем архиереям, имена которых стояли в завещании патриарха, т. е. митрополитам Агафангелу и Кириллу. Рассказывали, что митрополиту Агафангелу запретила идти на это одна блаженная (слепая Ксения) из г. Рыбинска, которую он очень почитал, сказав: “Если согласишься, то потеряешь все, что раньше приобрел”»*³. Поскольку факт ведения Тучковым переговоров со священно-

² См.: Мазырин А., диак. Митрополит Ярославский Агафангел и спор о местоблюстительстве в 1926 году // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. Вып. 1. С. 62–104.

³ Вестник РСХД. 1973. № 1 (107). С. 187. Речь здесь идет о монахине Ксении (Красавиной), которую многие в Ярославской епархии в 1920–1930 гг. почитали прозорливой и искали у нее совета. В 1934 г. слепая и полуглая старица Ксения была арестована. В протоколе ее допроса от 27 апреля 1934 г. содержатся следующие примечательные сведения о ней: *«Я происхожу из д. Ларионовская Мышкинского района Иванов[ской] Пром[ышленной] обл. Возраст мой – 86 лет. Родители были крестьяне. До 19-летнего возраста я работала в своем хозяйстве и по найму у других крестьян. С 19 лет ушла в лес «спасать душу и тело». В лесу прожила 30 лет, в землянке, питалась чем придется. Землянка моя находилась неподалеку от д. Рудина Слободка, в 20 верстах от г. Мышкина. Тогда ко мне приезжал из Петербурга два*

мучеником Кириллом (Смирновым) о судьбе высшего церковного управления в начале 1927 г. подтверждается документально⁴, свидетельство о его аналогичном обращении к святителю Агафангелу кажется вполне правдоподобным.

Между тем митрополит Сергей, пробыв несколько месяцев в тюрьме, согласился с условиями Тучкова (в противном случае из заключения он бы так скоро не вышел) и, вернувшись в апреле 1927 г. к церковной власти, принялся претворять их в жизнь. Изменение курса церковной политики, предпринятое под давлением ОГПУ митрополитом Сергием, многих из тех, кто активно поддерживал его в период его первого заместительства, привело в замешательство. Так, например, с недоумениями по поводу июльской Декларации обратился к митрополиту Сергию архиепископ Серафим (Самойлович), почитавший его ранее как *«мудрого кормчего в Церкви»*⁵ и, по собственному признанию, *«с радостью»* передавший ему управление Церковью после его освобождения весной 1927 года. Митрополит Сергей писал в ответ о своей вере в то, что *избранный им путь принесет мир Церкви, обещал вырывать по два, по три страдальца и возвращать их к обществу верных*⁶. Однако надежды митрополита Сергия на то, что его политика *принесет мир Церкви*, не оправдывались, церковные нестроения, вызванные этой политикой, нарастали.

В сентябре 1927 г. начал развиваться конфликт между митрополитами Сергием и Иосифом. Поводом здесь, как известно, послужило перемещение митрополита Иосифа с Ленинградской кафедры на Одесскую – перемещение, им отвергнутое как *«противоканоническое, недобросовестное, угрожающее злой интриге»*⁷. Влияние Высокопреосвященного Иосифа при этом сказывалось не только в Ленинградской, но и в Ярославской епархии, поскольку местом пребывания

раза отец Иоанн Кронштадтский и ближайший его последователь – свящ[енник] села Тимохово Зеленецкий Михаил. Они одобряли мою жизнь. При Соввласти я жила на родине в д. Ларионовская, в выстроенной бане келье. За все это время ко мне приходило много народа за разными наставлениями – как вести свою жизнь. Эти советы я давала, и таким образом у меня стало много почитателей и последователей» (Архив УФСБ РФ по Ярославской обл. Д. С-12005. Л. 45–45 об.).

⁴ См.: «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...»: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) / Публ. и примеч. Н.А. Кривошеевой и А.В. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 8. М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. С. 345.

⁵ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994. С. 449.

⁶ Там же. С. 571.

⁷ Там же. С. 524.

митрополита оставался его бывший кафедральный город – Ростов Великий (за вычетом периода с декабря 1926 г. по сентябрь 1927 г., когда он находился в ссылке в Моденском монастыре Новгородской епархии)⁸.

Сведения о настроениях самого митрополита Агафангела в этот период (до начала 1928 г.) весьма скудны. Против самой по себе легализации церковного управления он, очевидно, ничего не имел. Конечно, могли возникнуть подозрения насчет того, какова была цена этой легализации (неприятный опыт общения с Тучковым у святителя Агафангела был, и он знал, чего тот добивался). Но какое-то время еще могли оставаться надежды на то, что искусный в дипломатии Нижегородский митрополит смог найти более или менее приемлемый для Церкви вариант компромисса с властью. По этой причине постановление Заместителя от 27 мая 1927 г., предписывавшее всем епархиальным Преосвященным подать заявления в органы местной власти об их регистрации⁹, святителем Агафангелом было без промедления принято к исполнению. В июне 1927 г. им было подано в Административный отдел Ярославского губисполкома заявление о регистрации его самого в качестве митрополита Ярославской епархии и епархиального совета при нем. По этому поводу из Ярославского Адмотдела был послан срочный запрос в центр о том, *«допустима ли данная регистрация»*. Прошло более месяца, прежде чем ответ из Центрального Административного управления НКВД был получен. Смысл его заключался в том, что торопиться с регистрацией епархиальных управлений *«Тихоновской ориентации»* не следует, нужно ждать, когда *«по этому вопросу, по согласованию его с ОГПУ, на места будут преподаны от НКВД исчерпывающие указания и распоряжения»*¹⁰. Политика ОГПУ очевидным образом состояла не в том, чтобы просто взять и зарегистрировать епархиальные управления такими, какими их предложат сами *«Тихоновские»* архиереи, а в том, чтобы навязать им состав этих управлений, отвечающий, прежде всего, собственным интересам ОГПУ¹¹.

⁸ Сахаров М.С. Жизнь и деятельность митрополита Иосифа (Петровых): Биографический очерк. СПб.: Изд. автора, 2001. С. 23.

⁹ См.: Акты... С. 499–500.

¹⁰ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во ББИ, 1996. С. 223–224.

¹¹ В этом можно удостовериться на примере документов ОГПУ, касающихся вопроса регистрации Ленинградского епархиального управления (см.: «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публ., вступл. и примеч. А.В. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 365–366).

Принудив митрополита Сергия к ведению просоветской политики, власти внимательно следили за реакцией на его действия со стороны церковных кругов. Конечно, не обойден был вниманием и старейший иерарх Русской Церкви. В составленном ОГПУ для Политбюро обзоре политического состояния СССР за июнь 1927 г. (датированном серединой августа) митрополит Агафангел упоминался в числе не согласных с новой политикой Заместителя: «С выдвигаемым митрополитом Сергием положением “лояльность к советской власти не есть измена православию” многие церковники не согласны, как, например, “непримиримые”, группа Агафангела, ссыльные епископы, группа Новоселова. Эти группы держатся пока выжидательно»¹². Очевидно, что Ярославский святитель уже тогда вполне мог в частных беседах выражать сомнения в правильности курса, взятого Заместителем. Посредством своих осведомителей ОГПУ все это отслеживало. Но открыто своего несогласия с митрополитом Сергием митрополит Агафангел никак не обнаруживал, *держался выжидательно*, настороженно наблюдая за дальнейшим развитием событий.

Согласно свидетельству протоиерея Димитрия Смирнова (письмоводителя Ярославской митрополии с конца 1926 года), июльскую Декларацию святитель Агафангел воспринял спокойно. «В июле 1927 года, – показал протоиерей Димитрий на допросе 18 сентября 1929 года, – появляется в газетах известная декларация митрополита Сергия, и Агафангел послал меня в Ярославский Гублит испросить разрешение на размножение этой декларации. Гублит не возражал, но с условием напечатать комментарии к декларации в духе общегражданском. Агафангел на это не согласился, и декларация не перепечаталась. Затем уже в конце года Агафангел получил в Москве несколько экземпляров и сам раздавал кому находил нужным»¹³. Обращает на себя внимание отказ святителя Агафангела составить свой, угодный властям, комментарий к Декларации митрополита Сергия («в духе общегражданском»). Еще не выступая против политики Заместителя, становится ее активным соучастником и пропагандистом митрополит Агафангел явно не хотел. Вскоре власти сами напечатали Декларацию митрополита Сергия многомиллионным тиражом в газете «Известия», сопроводив ее таким комментарием, который им был наиболее угоден¹⁴.

¹² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 5: 1927 г. М.: ИРИ РАН; ЦА ФСБ РФ, 2003. С. 443.

¹³ Архив УФСБ РФ по Ивановской обл. Д. 9974-П. Т. 1. Л. 111 об.

¹⁴ В сопроводительной статье к Декларации митрополита Сергия говорилось: «Только наиболее тупые и заскорузлые представители духовенства неспособны были понять и увидеть, что политическое равнение по пастве, по трудовому наро-

То, что позиция святителя Агафангела по отношению к июльской Декларации была именно такой, как она изображена в показаниях протоиерея Димитрия, подтверждает докладная записка в Главлит ярославского инспектора по делам печати и зрелищ: «*Запрещение полных изданий было одно — ярославскому епископу Агафангелу не разрешено издание листовки “Обращение Временного Патриаршего Синода” в количестве 200 экземпляров, текст которого был помещен в Известиях ВЦИК от 19 августа с.г., которую предполагалось разослать подведомственным советам. Издать эту листовку он хотел без каких-либо комментариев в советском духе, как это было сделано в Известиях ВЦИК*»¹⁵.

Дополнительные подробности о том, как восприняли июльскую Декларацию в Ярославской епархии и какое она получила там распространение, можно найти в показаниях архиепископа Варлаама (Ряшенцева) от 18 сентября 1929 г.: «*Относительно моего отношения к декларации митр[ополита] Сергия, то я [и] все епископы Ярославские вполне разделяли ее политическую часть, но не во всем соглашались в церковной. Эта декларация в количестве 100 экземпляров была разослана по епархии и местами была расклеена в храмах. Специально она не разъяснялась верующим потому лишь, чтобы не вызвать разных кривотолков среди верующих*»¹⁶. 100 экземпляров на всю Ярославскую епархию. Много это или мало, можно понять, если учесть, что только в ее Любимском и Ростовском викариатствах, согласно показаниям того же архиепископа Варлаама, в 1929 г. было *приблизительно 300 общин православных*¹⁷.

В отношении же указа митрополита Сергия о поминовении за богослужениями от 21 октября 1927 г. можно с уверенностью говорить, что он в Ярославской епархии при митрополите Агафангеле вообще хода не получил. «*Указа о молении за гражданскую власть я не получал от Агафангела и вообще его не видал*», — показал протоиерей Димитрий Смирнов. Если этого указа *не видал* митрополичий письмоводитель, то тем более его не посылали рядовым клирикам епархии. Это подтверждается и всем дальнейшим ходом ярославских событий конца 1920-х годов.

Ситуация между тем все более обострялась. В показаниях протоиерея Д. Смирнова на этот счет говорилось: «*Примерно в конце 1927 г.*

ду — необходимое условие сохранения за церковью того, что у нее еще осталось, и, прежде всего, сохранения тех доходов, которые простодушная паства еще им доставляет» (Среди церковников // Известия ВЦИК. 1927. 19 авг. № 188 (3122)).

¹⁵ ЦДНИ Ярославской обл. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2986. Л. 304. (Текст документа предоставлен Е.В. Большаковой (Ярославль).)

¹⁶ Архив УФСБ РФ по Ивановской обл. Д. 9974-П. Т. 1. Л. 14.

¹⁷ Там же. Л. 7 об.

стали ходить слухи, что митрополит[олит] Сергей смещает и увольняет архиереев, на что и Ярославские архиереи насторожились и чувствовалось недовольство к Сергию, но еще никаких протестов не предпринималось»¹⁸.

Как известно, Ярославский протест был громко заявлен только 6 февраля 1928 г. – заявлен возглавляемой святителем Агафангелом группой иерархов, в которую кроме него вошли митрополит Иосиф, архиепископы Серафим и Варлаам и епископ Евгений (Кобранов). Однако вопрос о том, как готовилось это выступление, кто какую роль сыграл при этом, – вопрос этот является весьма непростым. Разными заинтересованными лицами, участниками событий и их наблюдателями, на него давались практически противоположные ответы. Понять, хотя бы отчасти, как в действительности обстояло дело, можно лишь сопоставив имеющиеся свидетельства и приняв во внимание исторический контекст их появления.

Стоит начать с того, что, по крайней мере один из подписавших февральское воззвание иерархов, а именно – архиепископ Серафим, вел в 1928 г. дневник, который сохранился. В своем дневнике, правда, святитель Серафим был весьма немногословен. Очевидно, он понимал, что в случае изъятия дневника органами ОГПУ, он может быть использован ими как «вещественное доказательство» его «антисоветской деятельности». О подготовке коллективного протеста в начале 1928 г. в дневнике почти ничего не говорится. Можно отметить только три краткие записи, имеющие определенное отношение к делу. За 24 января (по новому стилю; сам архиепископ Серафим использовал в дневнике старый стиль): *«Был у митрополита Агафангела. В этот же день случайно видел м[итрополита] Иосифа и виделся с архиеп[ископом] Варлаамом»*. За 5 февраля: *«Служил с м[итрополитом] Агафангелом литургию в Крестовоздвиженской церкви в день ангела м[итрополита] А[гафанге]ла. Сказал ему приветственное слово. Скромный обед был у м[итрополита] Агафангела»*. И, наконец, за 6 февраля: *«Был приглашен в гости. В этот же день подписал отделение от м[итрополита] Сергия»¹⁹*. Складывается впечатление, что участие Угличского архиепископа в подготовке Ярославского выступления было минимальным. Это впечатление усиливается от того, что, как видно из дневника, в тот момент святитель Серафим столкнулся еще и с серьезными личными проблемами. 25 января ему был поставлен тяжелый диагноз (впоследствии, правда, не подтвердившийся) – рак губы. Владыка

¹⁸ Там же. Л. 111 об.

¹⁹ «Год скорби и печали»: Дневник священномученика Серафима (Самойловича), архиепископа Угличского за 1928 год / Публ. прот. А.Салтыкова и Н.Д.Егорова // Мир Божий. 2003. № 9. С. 37.

готовился к операции. Кроме того, в самом начале февраля ему пришлось на два дня съездить к родственникам в Дарницу (под Киевом) для решения семейных проблем. Понятно, что все это не способствовало активной церковной деятельности.

Были, однако, очевидцы, считавшие, что архиепископ Серафим сыграл в ярославских событиях едва ли не главную роль. Уже упоминавшийся протоиерей Димитрий Смирнов в своих показаниях от 18 сентября 1929 г. описал эти события следующим образом: *«Помню, в начале января 1928 г. я зашел по делам к Агафангелу и встретил там Серафима и Иосифа. Я заметил их как будто возбужденными. На мое приветствие Серафим сказал, что приехал к врачу, а Иосиф сообщил, что уходит на покой и приехал проститься к Агафангелу. Я, конечно, не вступал в дальнейшие разговоры и ушел. После отъезда Серафима с Агафангелом получился сердечный припадок. Очевидно, у них был какой-то крупный разговор.*

5/II-1928 г., в день именин Агафангела приехали с поздравлениями епископы Евгений, Серафим и Варлаам. Приходили приветствовать и местные священники. Я тоже был. Ничего необычного я не заметил в тот день. После именин, т. е. 6/II-28 г., Агафангел передал мне письменную декларацию о том, что Ярославская епархия отделяется в административном отношении от Сергия. Декларация была подписана Агафангелом, Варлаамом, Иосифом, Евгением и Серафимом. Декларацию я по просьбе Агафангела снес в местное ГПУ и раздал благочинным. О подготовке этой декларации я совсем не знал и думаю, что из рядового духовенства г. Ярославля никто не знал. Мое мнение, что Агафангел пошел на этот шаг под давлением Серафима, Угличского vicария»²⁰.

Здесь следует учесть одну немаловажную деталь: после кончины святителя Агафангела протоиерей Димитрий, как это следует из его же показаний, сохранил свою должность письмоводителя Ярославского архиерея. А как известно, этим архиереем стал архиепископ Павел (Борисовский) – бессменный член Синода при митрополите Сергии и один из самых активных апологетов его политики. Неудивительно поэтому, что, излагая свое мнение об оказанном на митрополита Агафангела давлении, протоиерей Димитрий во многом выражал официальную версию об обстоятельствах выступления ярославцев, хотя и с небезынтересными подробностями, о которых мало кто еще мог знать (как, например, о доставке им экземпляра Ярославской декларации в местное ГПУ).

Главным же популяризатором официальной версии о Ярославском выступлении в конце 1920-х – начале 1930-х годов был митро-

²⁰ Архив УФСБ РФ по Ивановской обл. Д. 9974-П. Т.1. Л. 111 об.–112.

полит Елевферий (Богоявленский). По его собственному признанию, писал он в соответствии с тем, как ему *«выяснил историю этого откола»* митрополит Сергей²¹. Согласно этой версии митрополитов Сергия-Елевферия, ответственность за новое обострение отношений митрополита Агафангела с Заместителем нес, прежде всего, митрополит Иосиф, а также архиепископ Серафим и епископ Евгений. Эту версию митрополит Елевферий практически сразу же после своего возвращения из Московской Патриархии в декабре 1928 г. изложил в докладе митрополиту Евлогию. Он писал тогда: *«Положение Ярославского откола таково: в нем не столько виновен сам митрополит Агафангел, сколько митрополит Иосиф и викарные. Я не буду говорить об обстоятельствах, обуславливавших это грустное явление, но только замечу, что оно произошло после второго удара, бывшего с митрополитом Агафангелом, когда он уже не мог серьезно вдумываться в сущность дела, а доверялся окружающим его иерархам, возглавившим его именем временный церковный откол»*²².

Через некоторое время в своей книге «Неделя в Патриархии» митрополит Елевферий счел необходимым поведать миру и об *«обстоятельствах грустного явления»*: *«Откол от митрополита Сергия Ярославских иерархов, возглавлявшихся покойным митрополитом Агафангелом, не имел ничего принципиального, а всецело возник на личной почве по инициативе митрополита Иосифа, бывшего архиепископа Ростовского»*. Митрополит Иосиф, по объяснению митрополита Елевферия, не мог простить митрополиту Сергию *«обиды и унижения»* из-за перевода его в Одессу. Подобные объяснения находились и для других иерархов, подписавших Ярославское воззвание: *«Не трудно было митрополиту Иосифу подсилить свою оппозицию Ярославскими викариями, ибо два из них едва ли были с надлежащими чувствами в отношении митрополита Сергия и до этой истории»*. Говоря об архиепископе Серафиме, митрополит Елевферий делал акцент на том, что он – бывший Заместитель Местоблюстителя, *«освобожденный от сего митрополитом Сергием»*. Из-за этого освобождения от должности, по мысли Высокопреосвященного «сердцеведца» из Литвы, *«у архиепископа Серафима могло залечь нечто греховное, которое могло побуждать его зорче следить за деятельностью митрополита Сергия и правильное действие последнего счесть за неправильное, поставить ему в вину»*. Далее

²¹ Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии: (Впечатления и наблюдения от поездки в Москву) // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 270.

²² К спору о соловецких епископах: Доклад митрополита Елевферия митрополиту Евлогию (1928 г.) / Публ. Н. Струве // Вестник РХД. Париж; Нью-Йорк; М., 1990. № 1 (158). С. 289.

митрополит Елевферий указывал на личные мотивы и у епископа Евгения: хиротонисанный во епископа Муромского, он «*вдруг заявил, что в Муром не поедет, а желает остаться в Москве*», и лишь после угрозы лишения сана «*смирился и поехал*». Единственным, о ком митрополит Елевферий замечал, что о нем «*ничего не слышно с этой стороны*», (то есть не усматривается личных обид на митрополита Сергия), был архиепископ Варлаам. О самом святителе Агафангеле Литовский митрополит упоминал под конец и вскользь, поскольку, согласно предложенной версии, дело было вовсе не в нем: «*И сам митрополит Агафангел, как известно, в свое время ошибочно считал себя обиженным митрополитом Сергием, будто бы незаконно воспринявшим права Местоблюстителя, принадлежавшие ему*»²³.

Таким образом, по митрополиту Елевферию, практически все сводилось к личным обидам. Особенно удобной была версия об обиде за понижение в должности, якобы двигавшей митрополитом Иосифом. Эта версия, распространению которой всячески содействовал митрополит Сергий, сразу же была принята многими. Например, епископ Сестрорецкий Николай (Клементьев) писал в феврале 1928 г.: «*Получается впечатление при чтении Иосифовских документов такое, что они не появились бы на свет, если бы автор их не был затронут служебным передвижением к некоторому понижению*»²⁴. Архиепископ Иларион (Троицкий) в июле того же года писал: «*А осиповы письма уж очень не понравились. Будто и не он пишет вовсе. У него будто злоба какая. И самый главный грех тот, что его на другую должность перевели*»²⁵.

Насколько оправдан такой взгляд? Здесь нет возможности углубляться в рассмотрение обстоятельств назначения митрополита Иосифа на Ленинградскую кафедру и его последующего отрешения от нее, «*в угоду злой интриге*», как он сам считал. Видный Ленинградский протоиерей Михаил Чельцов (не отошедший с «иосифлянами» от митрополита Сергия) свидетельствовал о широком распространении среди ленинградского духовенства представления о том, что архиепископ Алексей (Симанский) *действовал в Синоде против Иосифа в личную свою пользу*. (Архиепископ Хутынский Алексей, хотя и был в 1926 г. назначен управляющим Новгородской епархией, «*исходатайствовал себе право остаться на жительство в Петрограде*» и всячески стремился «*послужить в кафедральном соборе Воскресения-на-крови [...], куда его не пускали*»²⁶.)

²³ Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии. С. 270–271.

²⁴ Акты... С. 578.

²⁵ Там же. С. 618–619.

²⁶ Чельцов М., прот. В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. / Публ. В.В. Антонова // Минувшее. Вып. 17. С. 459. В официальной биографии

Дело, однако, не в том, интриговал ли архиепископ Алексей против митрополита Иосифа, желая занять его место, или нет. При рассмотрении событий сквозь призму борьбы архиерейских честолюбий упускается из виду исторический контекст того времени. Сам по себе титул, носимый тогда архиереем, вовсе не гарантировал положения и почестей, подобающих этому титулу. Так и для митрополита Иосифа назначение на Ленинградскую кафедру очень скоро обернулось высылкой. Его перевод в Одессу, санкционированный ОГПУ, давал ему, сосланному в труднодоступный монастырь, сравнительную свободу и возможность реального использования своего митрополичьего положения. Отказываясь от предложенных ему митрополитом Сергием и Тучковым условий, митрополит Иосиф понимал, что за такую неуступчивость он может вскоре оказаться в месте еще более отдаленном, чем Моденский монастырь. В этом отказе правильнее видеть не проявление честолюбия со стороны митрополита Иосифа, а его нежелание становиться проводником навязанной ОГПУ политики митрополита Сергия.

Смещенный с кафедры, митрополит Иосиф не стал организовывать оппозицию и первоначально был готов устраниваться от активного участия в церковной жизни. *«Ни на какой раскол я не пойду и подчинюсь незаконной расправе со мной – вплоть до запрещения и отлучения, уповая на одну правду Божию»*, – говорил он смущенным ленинградцам. Объясняя в связи с этим заявлением свой последующий отказ повиноваться митрополиту Сергию, митрополит Иосиф писал архимандриту Льву (Егорову): *«Но оказалось, что жизнь церковная стоит не на точке замерзания, а клокочет и пенится выше точки простого кипения. Мое “маленькое дело” вскоре же оказалось лишь малой крупницей столь чудовищного произвола, человекоугодничества и предательства Церкви интересам безбожия и разрушения этой Церкви, что мне оставалось только удивляться отसे не только одному своему покою и терпению, но теперь уже приходится удивляться и равнодушию и слепоте тех других, которые полагают, что попустители и творцы этого безобразия творят дело Божие, “спасают” Церковь»*²⁷. Невозможность смириться с тем, в чем он видел *«предательство Церкви интересам*

Патриарха Алексия (Симанского) ничего не говорится не только о его действиях в Синоде против митрополита Иосифа в 1927 г. (что естественно), но и вообще о факте проживания и служения архиепископа Алексия в Ленинграде в то время (см.: Казем-Бек А.Л. Жизнеописание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I // Богословские труды. Юбилейный сборник: К 120-летию со дня рождения Святейшего Патриарха Алексия I; К 80-летию восстановления Патриаршества. Вып. 34. М.: Изд-во МП, 1998. С. 97–102).

²⁷ Акты... С. 561; Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб.: НИЦ Мемориал, 1999. С. 219.

безбожия», – вот главный побудительный мотив выступления митрополита Иосифа, а не «обида» за перевод его в Одессу²⁸.

Что же касается архиепископа Серафима, то подозрения митрополита Елевферия о том, что у него «могло залечь нечто греховное» из-за того, что он был митрополитом Сергием освобожден от замещения, – эти подозрения вообще ничем не обоснованы. Священномученик Серафим не был освобожден от своих полномочий, а сам передал их митрополиту Сергию, причем, как уже отмечалось, передал их с радостью. Причина того, что эта радость сменилась затем горечью, опять же лежала в неприятии взятого митрополитом Сергием курса церковной политики. «Раньше мы страдали и терпели молча, зная, что мы страдаем за Истину и что с нами несокрушимая никакими страданиями сила Божия, которая нас укрепляла и воодушевляла надеждою, что в срок, ведомый единому Богу, Истина Православия победит, ибо ей неложно обещана и, когда нужно, будет подана всесильная помощь Божия», – писал архиепископ Серафим митрополиту Сергию в письме от 6 февраля 1928 г. и продолжал далее: «Своей декларацией и основанной на ней политикой Вы силитесь ввести нас в такую область, в которой мы уже лишаемся этой надежды, ибо отводите нас от служения Истине, а лжи Бог не помогает». Фактически святитель Серафим указывал на то, что путь Заместителя – это путь отступничества, и умолял его не идти самому и других не вести по этому пути. «Проявите мужество, сознайтесь в своей роковой ошибке», – писал он митрополиту Сергию²⁹. Можно ли в свете таких писем говорить, что «откол от митрополита Сергия Ярославских иерархов не имел ничего принципиального, а всецело возник на личной почве»? Очевидно, нет.

Только в отношении епископа Евгения версия о том, что в основе его участия в оппозиции Заместителю преобладала личная подоплека, не лишена правдоподобности. Вынести такое суждение можно потому, что сам епископ Евгений эту версию о себе подтверждал. Так, во время допроса 28 августа 1934 г. он показал: «Ввиду того, что в 1928 году он, Сергий, оскорбил меня, не назначив викарным епископом

²⁸ В книге «За Христа пострадавшие» на этот счет содержится следующее замечание: «Совершенно неосновательны обвинения в адрес митрополита Иосифа в раздражительности, корысти и честолюбии, из-за которых он будто бы отказывался от перемещения на Одесскую кафедру. Трудно представить себе большее непонимание его горячего, пылкого сердца. Образно говоря, он шел свидетельствовать Истину и умирать за Христа, что казалось ему единственно возможным и правильным в той ситуации, а его отсылали в тыл, чтобы он не мешал достижению компромисса, воспринимавшегося им как предательство» (За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. Кн. 1. А-К. / Под ред. прот. В. Воробьева. М.: ПСТБИ, 1997. С. 521–522).

²⁹ Акты... С. 571–572.

московской кафедры, я вступил в дружеские связи с митрополитом Агафангелом, Иосифом и другими, которые были в оппозиции к митрополиту Сергию. С группой Агафангела, в последующем Иосифа, я был в общении по 1932 год включительно. Примерно к году 1930–31 я осознал, что группа митрополита Иосифа в оппозиции к Сергию находится по чисто политическим причинам, что группа Иосифа по отношению к советской власти была не лояльна, но я продолжал оставаться среди нее не по политическим соображениям, а по мотивам личного характера, не хотел первый обратиться к Сергию с просьбой о принятии в свое общение»³⁰. Здесь, правда, следует иметь в виду, что в показаниях следствию епископ Евгений мог умышленно вывести на передний план тему личного оскорбления, чтобы не говорить о более принципиальных мотивах расхождения с митрополитом Сергием – мотивах, бывших преступными в глазах ОГПУ. В показаниях 1937 г., после того как епископ Евгений согласился (очевидно, в результате особых мер воздействия) «встать на путь откровенности», он уже не говорил о мотивах личного характера. На допросе 29 июля 1937 г. он признал, что «состоял в контрреволюционной организации церковников». «К этой организации, – показал он далее, – примкнул я в феврале 1928 г., подписав вместе с Иосифом Петровых, Варлаамом Ряшенцевым, Серафимом Самойловичем и Кириллом Смирновым ярославскую декларацию протеста против позиции, занятой митрополитом Сергием по отношению к соввласти. К этому меня привело то, что я под влиянием специального богословского образования сделал своим политическим кредо единство и независимость православной церкви по типу средневекового папства или допетровского патриаршества, тем самым встал на путь а[н]ти[с]оветской к[онтр]р[еволюционной] деятельности»³¹. Очевидно, что и в этих показаниях нельзя видеть исчерпывающий ответ на вопрос о мотивах участия епископа Евгения в оппозиции Заместителю. Показания писались следователем в удобном ему ключе (отсюда появление в них имени митрополита Кирилла, который, как известно, никакого отношения к Ярославской декларации не имел), и личные счеты епископа Евгения с митрополитом Сергием его не интересовали, как не относившиеся к фабрикуемому делу. Однако слова о средневековом папстве и допетровском патриаршестве, равно как и ссылка на специальное богословское образование, явно принадлежали не следователю, а самому епископу Евгению. Отсюда видно, что в основе протокола допроса действительно лежали его собственные показания. Установить

³⁰ Архив УФСБ РФ по Вологодской обл. Д. П-15385. Л. 18. Подчеркивания даны в соответствии с источником.

³¹ Архив ДКНБ РК по Чимкентской обл. Ф. 1. Д. 02455. Л. 59–60. Выписки из дела предоставлены В.В. Королевой (Алма-Ата).

же в точности соотношение личных и принципиальных мотивов его действий, по всей видимости, не удастся. Но ясно, что даже в случае с епископом Евгением нельзя рассматривать проблему так упрощенно, как это делал митрополит Елевферий.

Вообще, чтобы правильнее оценить версию Литовского митрополита о причинах выступления ярославцев, следует принять во внимание, в какой конкретно ситуации в конце ноября – начале декабря 1928 г. митрополит Сергей «выяснял» ему историю недавних событий. Митрополит Агафангел к тому времени уже скончался, по официальной версии полностью примирившись перед смертью с Патриархией. Любое акцентирование его роли в февральском выступлении было этой официальной версии явно не на пользу. Архиепископ Варлаам был единственным из подписавших обращение от 6 февраля, кто оставался тогда в Ярославле и вроде бы подчинился митрополиту Сергию и присланному им архиепископу Павлу. В распространении о нем какой-то негативной информации Заместитель также в тот момент не был заинтересован. В отношении высланных архиепископа Серафима и епископа Евгения ситуация тогда была не вполне определенной. Что же касается митрополита Иосифа, то он, напротив, в своем отмежевании от Заместителя продвинулся к тому времени уже столь далеко, что можно было, без опасения повредить церковной дипломатии, возложить основную ответственность за ярославский инцидент именно на него. Так утвердилась официальная версия о том, что *инициатива* выступления Ярославских иерархов принадлежала «обиженному» митрополиту Иосифу и, в меньшей степени, архиепископу Серафиму, а митрополит Агафангел лишь пассивно следовал за ними. Когда в 1932 г. другой зарубежный апологет митрополита Сергия – И.А. Стратонов – выпустил книгу «Русская церковная смута (1921–1931)», он придерживался этой же версии (хотя и без деталей): «Противно всяким канонам епископы, проживающие в Ярославской епархии, отделились от митрополита Сергия и образовали самостоятельную церковную область. Это была новая форма церковного разделения. Увлечен был в это предприятие и митрополит Агафангел»³². Именно так, в страдательном залоге: «был увлечен».

³² Стратонов И. А. Русская церковная смута: 1921–1931 // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 155.

В 1960-е гг. архимандрит (впоследствии митрополит) Иоанн (Снычев) позволил себе несколько отойти от версии митрополитов Сергия-Елевферия и охарактеризовал положение с выступлением ярославцев так: «Ясно, конечно, что митрополит Агафангел, смотревший на церковные события под углом зрения синодального периода и народной психологии и видя возникшее смущение среди своей паствы, не мог не смутиться и сам от предпринятой митрополитом Сергием церковной политики и не вызвать в своем сердце чувство самосохранения, самоограждения от

Нужно, однако, иметь в виду, что до кончины святителя Агафангела, когда ситуация была иной, митрополит Сергей в своих оценках Ярославского выступления расставлял акценты по-другому. В марте 1928 г., когда с митрополитом Агафангелом только еще велись переговоры о примирении и вопрос, казалось, мог упереться в позицию архиепископа Серафима, Заместитель писал Ярославскому святителю: «Я же позволяю себе думать, что архиепископ Серафим, подписавший заявление вслед за Вами, еще с большей готовностью последует за Вами в Вашем решении исправить допущенное»³³. То есть, по логике этого рассуждения, не митрополит Агафангел следовал за викариями, а они за ним. Через полгода с небольшим митрополит Сергей «выяснял» митрополиту Елевферию, что все было наоборот.

Если же теперь обратиться к свидетельствам митрополита Иосифа, то можно увидеть, что и он интерпретировал ситуацию по-своему и также не всегда одинаково. Так, в своем обращении от 8 февраля 1928 г. он писал: «Архипастыри Ярославской церковной области [...] особым актом объявили о своем ОТДЕЛЕНИИ от митрополита Сергия и о самостоятельном от него управлении вверенными им от Бога паствами. Акт, подписанный 24-го января [ст. ст.] с.г., настолько вызывает обстоятельствами времени и настроением верующих масс народа и настолько обстоятельно обосновывает означенное отделение, что и я, проживающий в Ярославской области, принял в нем участие и скрепил свою подписью. Таким образом, все распоряжения митрополита Сергия отныне для нас не имеют никакой силы»³⁴. Как видно, согласно этому пись-

влиния этой политики [...]. Вставши на этот путь, он расположил к этому и своих викариев, выразивших свое полное согласие с его мнением» (Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х гг. XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. Самара, 1997. С. 149). Таким образом, по митрополиту Иоанну, инициатива ярославского выступления принадлежала самому митрополиту Агафангелу, убедившему викариев присоединиться к нему.

Точка зрения митрополита Иоанна, однако, не утвердилась, и в 1990-е годы проанализировавший ярославские события иеромонах Дамаскин (Орловский) вернулся к версии, изложенной в свое время митрополитом Елевферием, дополнив ее лишь сведениями из показаний протоиерея Димитрия Смирнова. Главным действующим лицом вновь оказался «оставшийся без кафедры, с неясной перспективой относительно своего места в церковной иерархии» митрополит Иосиф, который-де «готов был пойти на крайние действия» (Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописание и материалы к ним. Тверь: Булат, 1996. Кн. 2. С. 393).

³³ Акты... С. 604.

³⁴ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-83017. Т. 6. Л. 19. Копия, заверенная лично епископом Димитрием (Любимовым); ср.: Акты... С. 575, 585.

му митрополита Иосифа, Ярославские архипастыри сами составили свой акт, а он лишь «принял в нем участие и скрепил своею подписью».

Существует и значительно более подробное свидетельство митрополита Иосифа об обстоятельствах появления Ярославского воззвания от 6 февраля 1928 года. Не имеющие точной датировки показания митрополита Иосифа «Об Ярославской декларации» содержатся в следственном деле «Всесоюзной организации ИПЦ» 1930–1931 годов. В этих показаниях митрополит Иосиф сообщал, что после заявления им протеста по поводу его перемещения в Одессу он, «с разрешения Москвы, отбыл в Ростов Ярославский, где жил зиму 1927 года, служа в Яковлевском монастыре и не проявляя близкого участия в церковных делах». Указав на свою отрешенность от церковных дел, митрополит Иосиф затем следующим образом изложил ход событий, предшествовавших обнародованию Ярославской декларации: «Мне известны следующие обстоятельства, сопровождавшие отложение Ярославля от Сергия. Вызвав однажды меня в Ярославль, митр[ополит] Агафангел сообщил мне, что деяния митр[ополита] Сергия и его произвол в управлении вызывают настолько серьезное против него возбуждение, что он (Агаф[ангел]) завален и телеграфными и письменными просьбами и требованиями взять бразды правления в свои руки и избавиться их, таким образом, от всякой зависимости от Сергия, каждому начавшего угрожать запрещениями и др. репрессиями. Далее, м[итрополит] Агафангел сообщил, что у него имеется также проект собственной декларации, которым он предполагает выступить против Сергия, что эта декларация одобряется всеми Ярославскими архиереями и что и я приглашаюсь присоединиться к ней, как проживающий в пределах Ярославской епархии и обязанный этим самым к единомыслию с местными иерархами, среди коих я нашел убежище в своем изгнании. Я попросил разрешения ознакомиться с текстом этой декларации, и м[итрополит] Агафангел обещал мне прислать ее с нарочным сразу, как только ее подпишет архиеп[ископ] Варлаам, который был в отлучке и к которому она была послана для подписи также с нарочным. Вернувшись в Ростов после этой беседы, я через несколько дней получил эту декларацию, уже подписанную тремя архиереями, и, найдя ее соответствующей требованию момента, также подписал ее. Затем подписал ее и Ростовский епископ Евгений. Всего было 5 подписей — проживавших в епархии архиереев. Кем составлена эта декларация, с кем она обсуждалась у м[итрополита] Агафангела, были ли у него какие собрания, я не знаю — в составлении ее я не принимал ни малейшего участия»³⁵.

³⁵ «Я иду только за Христом...»: Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ., вступл. и примеч. А.В. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 9. М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 407–408.

Как видно, согласно этим показаниям митрополита Иосифа, главную роль в *отложении Ярославля* сыграл вовсе не он, а именно митрополит Агафангел. В других своих показаниях (от 22 сентября 1930 г.) митрополит Иосиф еще более подчеркивал значение Ярославского митрополита в антисергиевском движении: *«Дело мое, по которому я привлекаюсь, как мне представляется, зиждется на мнении обо мне как лидере особого течения в нашей церкви, возникшего 4 года тому назад в связи с декларацией митрополита Сергия, грубо нарушившего, по убеждению верующих, глубочайшие основы строя церковной жизни и управления. Это течение совершенно несправедливо окрещено “иосифлянами” [...]. Гораздо основательнее оно должно быть названо вообще “антисергианским”. А так как первый протест против Сергия был громко провозглашен не мною, а митроп[олитом] Агафангелом Ярославским, то справедливее было бы именовать это течение «агафангелизмом» или как-либо еще в этом роде, а уж никак не “иосифлянством”»*³⁶.

Можно сразу заметить, что *первый протест против Сергия был громко провозглашен*, конечно, не митрополитом Агафангелом (если только не брать за точку отсчета его выступление 1926 г., которое было попыткой вступить в управление Русской Церковью, а не протестом против политики Заместителя, ассоциируемой с июльской Декларацией). После издания Декларации митрополита Сергия *первый громкий протест*, сопровождавшийся отходом от него, был заявлен в Окружном послании Архиерейского Синода РПЦЗ от 9 сентября 1927 г. В России выступлению группы митрополита Агафангела предшествовал целый ряд заявлений архиереев об отделении от Заместителя: епископа Виктора (Островидова), двух Ленинградских викариев – епископов Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина), епископа Алексия (Буя) и др. Ставить во главу *«антисергианского течения»* митрополита Агафангела, а тем более изобретать термины вроде *«агафангелизм»*, конечно, некорректно. Сам же митрополит Иосиф в других своих показаниях (от 30 сентября 1930 г.) свидетельствовал, что *«связь [антисергианского течения] с митроп[олитами] Петром, Кириллом, Агафангелом и другими лицами вначале была совершенно неосязательна»*³⁷.

Показания митрополита Иосифа о митрополите Агафангеле становятся более понятными, если учесть обстановку, в которой они появились. Реальное руководство антисергиевским движением бывшему Ленинградскому митрополиту, действительно, не принадлежало. Гораздо более активную роль играл его викарий, епископ Димитрий,

³⁶ Там же. С. 383–384.

³⁷ Там же. С. 397.

и органам ОГПУ это было хорошо известно. Однако лишний раз подчеркивать роль епископа Димитрия и тем самым осложнять его положение митрополиту Иосифу, проходившему с ним тогда по одному делу, очевидно, не хотелось. Показания же о митрополите Агафангеле повредить никому не могли, поскольку прошло уже два года, как он скончался. Оснований приуменьшать его роль в оппозиции митрополиту Сергию (участие в которой расценивалась ОГПУ как преступление), с точки зрения подследственного, не было. Это, конечно, прямо влияло на характер этих показаний.

Сопоставляя время различных антисергиевских выступлений, митрополит Елевферий замечал о Ярославском обращении, что *«последнее было не самодовлеющим церковным актом, а ответом на действия митрополита Сергия в отношении петроградских бесчинников, сторонников митрополита Иосифа. Оно стоит в связи с петроградской смутой, исключительно вышедшей из личного чувства митрополита Иосифа»*³⁸. Что касается темы *«личного чувства»*, то выше уже на этот счет было сказано достаточно. Однако следует согласиться с митрополитом Елевферием в том, что Ярославское выступление нельзя рассматривать в отрыве от ленинградских событий.

Акт отхода от митрополита Сергия двумя Ленинградскими викариями был подписан, как известно, 26 декабря 1927 года³⁹. Практически сразу же после этого, а именно 30 декабря, епископы Димитрий и Сергей были запрещены Заместителем и его Синодом в священнослужении⁴⁰. Спустя примерно еще неделю митрополит Иосиф наложил на докладе запрещенных викариев резолюцию, в которой полностью поддержал их действия. *«Отмежевываясь от митрополита Сергия и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного первосвященителя митрополита Петра»*, – писал он 5-го или 7-го (сведения разнятся) января 1928 года⁴¹. Обращает на себя внимание слово *«мы»*. Можно говорить в связи с этим, что о своем *отмежевании* от митрополита Сергия митрополит Иосиф фактически заявил уже в начале января 1928 года. Сведения о его резолюции на докладе викариев довольно быстро дошли до самого Заместителя, который своим постановлением от 25 января 1928 г. потребовал от митрополита Иосифа объяснений на этот счет⁴². За разъяснениями 2 февраля к нему в Ростов прибыли два члена Синода митрополита Сергия – архиепископы Сильвестр (Брата-

³⁸ Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии. С. 298.

³⁹ См.: Акты... С. 544–545.

⁴⁰ См.: «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову». С. 369–370. Примеч.

⁴¹ Акты... С. 552; ср.: Польский М., *протопр.* Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1957. Кн. 2. С. 5.

⁴² См.: Акты... С. 566.

новский) и Анатолий (Грисюк). Согласно постановлению Заместителя от 11 апреля 1928 г., митрополит Иосиф тогда ответил им, что он «*решительно отходит и отмежевывается от митрополита Сергия, игнорирует его распоряжения*»⁴³. В данном случае не имеет существенного значения, с буквальной ли точностью переданы в этом постановлении слова митрополита Иосифа. Ясно, что миссия членов Синода оказалась неудачной. После разговора с визитерами из Москвы митрополит Иосиф со дня на день мог ждать наложения на него прещений.

Все эти обстоятельства, конечно, следует иметь в виду при рассмотрении того, как назревало Ярославское выступление. Кажется, что сама сложившаяся ситуация требовала от митрополита Иосифа проявления особой активности. Трудно представить, что он выступал лишь в роли отстраненного наблюдателя подготовки Ярославских иерархов к заявлению об отходе от Заместителя и присоединился к ним только тогда, когда все уже было готово. Однако каких-либо достоверных (не основанных на одних предположениях) свидетельств о том, что он обращался к митрополиту Агафангелу и его викариям с *инициативой* вместе отделиться от митрополита Сергия, – таких свидетельств пока нет, и не исключено, что и не будет.

Можно резюмировать, что обе приведенные здесь версии – и изложенная митрополитом Елевферием версия митрополита Сергия, и версия митрополита Иосифа – нуждаются в корректировке (что касается архиепископа Серафима, то он, по сути дела, никакой версии не представил). Крайняя напряженность ситуации вокруг митрополита Иосифа и его ленинградских единомышленников, несомненно, накладывала свой отпечаток на действия Ярославских иерархов, катализировала процесс их размежевания с Заместителем. Однако из этого еще не следует, что митрополит Иосиф был *инициатором* их выступления. Что же касается составления самого обращения от 6 февраля, то оно, действительно, могло быть осуществлено без его непосредственного участия. В пользу этого говорит и порядок подписей под обращением. Понятно, что, в любом случае, первой под ним должна была стоять подпись митрополита Агафангела. Но если бы в его написании участвовал митрополит Иосиф, то было бы естественным вторым подписаться ему, а не архиепископу Серафиму, который был младше его во всех отношениях: и по хиротонии, и по сану, и по порядку получения прав на высшее управление Русской Церковью. Таким образом, не стоит как преувеличивать влияние митрополита Иосифа на ход дел в Ярославской епархии в конце 1927-го – начале 1928 г., так и преуменьшать его.

⁴³ Там же. С. 607.

Вывод о том, какую роль мог играть в ярославских событиях митрополит Иосиф, конечно, следует иметь в виду. Однако здесь более важным представляется другое: митрополит Агафангел в составлении Ярославского воззвания, несомненно, участие принял, причем весьма активное. В этом можно убедиться путем анализа содержания этого документа – уже первых его слов.

Обращение Ярославских иерархов к митрополиту Сергию началось так: *«Хотя ни церковные каноны, ни практика Кафолической Церкви Православной, ни постановления Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. далеко не оправдывают Вашего стояния у кормила высшего управления нашей отечественною Церковью, мы, нижеподписавшиеся епископы ярославской церковной области, ради блага и мира церковного считали долгом своей совести быть в единении и в иерархическом Вам подчинении»*.

Именно святитель Агафангел, а не его викарии, последовательно утверждал, что возглавление митрополитом Сергием Русской Церкви канонически не оправдано, и лишь *ради мира церковного* соглашался на подчинение ему. История спора двух митрополитов 1926 года подтверждает это вполне. Достаточно вспомнить телеграмму митрополита Агафангела от 24 мая 1926 г., в которой он свой отказ от местоблюстительства объяснял не чем иным, как заботой о *мире церковном*⁴⁴. Что же касается митрополита Иосифа и архиепископа Серафима, то трудно представить, что инициатива указать Заместителю на каноническую ущербность его правления исходила от них. Они не только не высказывали ранее никаких сомнений на этот счет, но и сами некоторое время управляли Русской Церковью на тех же основаниях, что и митрополит Сергей (причем святитель Серафим – на основаниях еще более, с формальной точки зрения, сомнительных). Если бы в составлении Ярославской декларации митрополит Агафангел не принял активное участие, едва ли в ней сразу же и столь сильно была бы так акцентирована неполноценность возглавления Церкви не Патриаршим Местоблюстителем, а его заместителем.

Митрополит Иосиф и архиепископ Серафим, подписывая составленное таким образом воззвание, давали другой стороне прекрасный повод обвинить их в противоречии самим себе, что, конечно, митрополитом Сергием и было сделано. В своем Деянии от 29 марта 1928 г. он не без пафоса замечал: *«Кстати, обратите внимание и на подписи под Ярославским заявлением. Один подписывается: “Серафим, архиепископ Угличский, викарий Ярославской епархии, бывший Замес-*

⁴⁴ Там же. С. 467.

титель Патриаршего Местоблюстителя”, а другой: “митрополит Иосиф, 3-й из указанных Патриаршим Местоблюстителем Заместителей”. Архиепископ Серафим воспринял в свое время права от митрополита Иосифа, а Иосиф от митрополита Петра в таком порядке, как и митрополит Сергей. Так где же правда, где же совесть?»⁴⁵

После указания на каноническую неоправданность стояния Заместителя у кормила высшего управления Церковью – указания, по мнению митрополита Сергия, столь «неправедного и бессовестного», – авторы Ярославского воззвания сочли необходимым дополнительно разъяснить, почему они до той поры все же считали долгом своей совести быть в единении и в иерархическом подчинении Заместителю: «Мы ободряли и утешали себя молитвенным упованием, что Вы, с Божией помощью и при содействии мудрейших и авторитетнейших из собратий наших во Христе – епископов, охраните церковный корабль от грозящих ему со всех сторон в переживаемое нами трудное для Церкви время опасностей и приведете его неповрежденным к спасительной пристани – Собору, который уврачуует живое и жизнеспособное Тело Церковное от постигших его, по поущению Промысла Божия, недугов и восстановит надлежащий канонический порядок церковной жизни и управления.

Но заветные чаяния и надежды наши не сбылись».

В этом объяснении уже может быть услышан голос митрополита Иосифа и особенно архиепископа Серафима. Они, действительно, ранее считали, что митрополит Сергей сумеет, быть может, лучше, чем кто-либо еще, *охранить церковный корабль от грозящих ему со всех сторон опасностей*. Что же касается святителя Агафангела, то он, как показали события 1926 года, с самого начала никаких особых чаяний и надежд с митрополитом Сергием не связывал, потому и рекомендовал митрополиту Петру передать местоблюстительство либо митрополиту Кириллу, либо митрополиту Арсению⁴⁶.

В следующем абзаце обращения снова подхватывалась мысль, уже прозвучавшая в самом его начале: «*Сознавая всю незаконность своего единоличного управления Церковью, управления, никаким соборным актом не санкционированного, Вы организуете при себе “Патриарший Синод”*».

Надо отметить, что, вообще говоря, такая постановка вопроса для кругов «правой» оппозиции была не характерна. Так, например, в приписываемой протоиерею Феодору Андрееву и мученику Михаилу Новоселову брошюре «Беседа двух друзей» по этому поводу говорилось: «*Спрашивается, с какого времени единоличное управление Рус-*

⁴⁵ Там же. С. 590.

⁴⁶ Там же. С. 475.

ской Церкви стало неканоничным: с момента ли роспуска избранного Всероссийским Собором 1917 г. Синода при Патриархе, или с момента смерти Святейшего Патриарха Тихона и принятия власти Местоблюстителем митрополитом Петром Крутицким, или с момента принятия митрополитом Сергием прав и обязанностей заместителя Патриаршего местоблюстителя, т.е. с 6 декабря 1925 г.? Если считать неканоничность единоличного возглавления Русской Церкви с момента сих трех событий, то это неправильно, т. к. на это единоличное назначение и возглавление было закрытое постановление Всероссийского Собора, как это разъяснил в момент спора между митрополитом Сергием и архиепископом Григорием, председателем ВВЦС, за права Местоблюстителя в 1926 г. Василий (Зеленцов), епископ Прилуцкий, бывший на том закрытом заседании, на котором давалось Патриарху полномочие от собора: «в виду исключительности переживаемого времени, избрать себе единоличного заместителя». Что Патриарх и исполнил в мае 1922 г., передав права и власть патриаршую митрополиту Агафангелу, а перед смертью актом от 25 декабря 1924 г. / 7 января 1925 г. единолично назначил себе трех местоблюстителей; митрополит Петр Крутицкий в свою очередь единолично актом от 6 декабря 1925 г. свои права и власть передал митрополиту Сергию. Точно так же поступил и митрополит Сергей в декабре 1926 г., и митрополит Иосиф, передавший власть архиепископу Серафиму Угличскому. Следовательно, с этого момента считать неканоничность митрополита Сергия не приходится, а если считать с момента освобождения митрополита Сергия, — это будет нелогично».

В связи с этим по поводу слов Ярославского обращения о неканоничности единоличного управления Церковью в «Беседе двух друзей» замечалось: «Это темное место заявления многих верующих привело в смущение и наступило минусом к выступлению ярославских архипастырей»⁴⁷.

Есть все основания полагать, что и это, столь непопулярное («темное»), место в Ярославском заявлении появилось, прежде всего, благодаря митрополиту Агафангелу. Ничто не указывает на то, что митрополит Иосиф и архиепископ Серафим *единоличное управление Церковью* считали незаконным. Первый, едва став в конце 1926 года Заместителем Местоблюстителя, составил весьма развернутое завещательное распоряжение о преемстве именно *единоличной* высшей церковной власти, в котором ни о каком Синоде не было и речи⁴⁸.

⁴⁷ Андреев Ф., прот., Новоселов М. А. Беседа двух друзей // Православная жизнь. 1999. № 6. С. 16–17.

⁴⁸ См.: Акты... С. 489–490.

Второй после этого в течение трех месяцев сам управлял Церковью *единолично*. Митрополит Елевферий по этому поводу в своем разборе Ярославского обращения резонно замечал: «*А архиепископ Серафим в пору своего заместительства, разве он управлял Церковью при существовании при нем указанных Московским Собором 1917–1918 гг. церковных учреждений, избранных Собором?*»⁴⁹ Напротив, представление митрополита Агафангела о том, что при Первоиерархе обязательно должен функционировать Синод, было прямо засвидетельствовано еще в его Пермском послании 1926 года. Тогда он призвал всех «*объединиться вокруг восстанавливаемого [...] “Патриаршего Священного Синода”, получившего свое бытие от 1-го Всероссийского Поместного Собора (1917–1918 гг.) и, следовательно, власти законной и канонической*»⁵⁰. Более того, есть сведения, что вопрос о Синоде во время переговоров с Тучковым в апреле 1926 года митрополитом Агафангелом был поставлен *первым*⁵¹ (к немалому удивлению лубянского деятеля). При этом важно, что каноничным святитель Агафангел считал только тот Синод, который был сформирован Собором, а не как-то иначе. Отсюда логически вытекало продолжение мысли, выраженной в Ярославской декларации: «*Но ни порядок организации этого “Синода”, Вами единолично учрежденного и от Вас получающего свои полномочия, ни личный состав его из людей случайных, доверием епископата не пользующихся [...], не могут быть квалифицированы иначе, как только явления определенно противоканонические*».

Что касается личного состава Синода, то его неприятие, конечно, было характерным не только для митрополита Агафангела, а являлось общим для всей оппозиции митрополиту Сергию. Так, например, еще до отхода от Заместителя делегация ленинградцев во главе с епископом Димитрием (Любимовым) требовала от митрополита Сергия «*удалить из состава Синода пререкаемых лиц*»⁵². Существует свидетельство о том, что архиепископу Серафиму, в бытность его Заместителем Местоблюстителя, власти также предлагали учредить при себе Синод, причем из тех же самых членов, которые затем вошли в Синод при митрополите Сергии. Священномученик Серафим, по воспоминаниям его келейника (дошедшим, правда, не через самого беспристрастного посредника), не согласился с предложенными ему кандидатурами и выдвинул собственные, в том числе кандидатуру митро-

⁴⁹ Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии. С. 301.

⁵⁰ Акты... С. 453.

⁵¹ См.: «Интервью с митрополитом Агафангелом» / Публ. П. В. Каплина // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. Вып. 1. С. 106.

⁵² Акты... С. 539.

полита Кирилла⁵³. Видно, однако, что и ленинградцами, и другими оппозиционерами выражалось несогласие с присутствием в Синоде ряда конкретных фигур, навязанных ОГПУ (таких, как митрополит Серафим (Александров), прозванный в народе «Лубянским»⁵⁴). Против же самого по себе *единоличного учреждения* Синода, *получающего свои полномочия от Заместителя*, большинство представителей «правой» церковной оппозиции не выступало. Против этого выступал митрополит Агафангел.

Можно, таким образом, заметить, что, по крайней мере, в разобранной части обращения Ярославских иерархов от 6 февраля рука святителя Агафангела просматривается совершенно явственно.

Вопросы каноничности или неканоничности положения и деяний митрополита Сергия, конечно, были весьма важными, однако не они в наибольшей степени волновали церковную оппозицию. Ярославские иерархи не были исключением. Вслед за первой, вводной, частью их обращения (не самой убедительной, по отзывам ряда современников) шло весьма откровенное изложение главных мотивов неприятия политики Заместителя: *«В своем обращении к чадам Православной Церкви 29.07.1927 г. Вы в категорической форме объявляете такую программу Вашей будущей руководящей деятельности, осуществление которой неминуемо принесло бы Церкви новые бедствия, усугубило бы обдержавшие Ее недуги и страдания. По Вашей программе начало духовное и Божественное в домостроительстве церковном всецело подчиняется началу мирскому и земному; во главу угла полагается не всемерное попечение об ограждении истинной веры, а никому и ничему не нужное угодничество «внешним», не оставляющее места для важного условия устройства церковной жизни по заветам Христа и Евангелия – свободы, дарованной Церкви Ее Небесным Основателем и присущей самой природе Ее – Церкви».*

Процитированный фрагмент, вероятно, являлся самым выразительным во всем Ярославском воззвании. В нем, как видно, речь шла не о частностях, вроде состава Синода, а о сути расхождения с митрополитом Сергием. Заместителево *угодничество «внешним», не оставляющее места для свободы Церкви*, претило, безусловно, всем представителям «правой» церковной оппозиции. Но далеко не все с такой прямоотой об этом заявляли вслух. Возникает вопрос, в какой мере святитель Агафангел был причастен к составлению этой части воззвания.

⁵³ См.: Воспоминания М.Н. Ярославского (в записи священника Михаила Ардова) // Надежда: Душеполезное чтение. Вып. 18. Базель-М., 1994. С. 167.

⁵⁴ См.: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники... Кн. 2. С. 489.

Как известно, архиепископ Серафим одновременно с подписанием общего обращения направил митрополиту Сергию и личное письмо. В нем со всей ясностью выражалась та же мысль, что и в процитированном выше абзаце общего воззвания: *«Факты чуть ли не ежедневно свидетельствуют, что еще труднее стало жить православно верующим людям. Но особенно тяжело, прямо мучительно им сознавать, что Вы приносите в жертву кому-то и чему-то внутреннюю свободу Церкви. До слез горько сознавать, что Вы, так мудро и твердо державший знамя Православия в первый период своего замещения, теперь свернули с прямого пути и пошли по дороге компромиссов, противных Истине»*⁵⁵.

С еще большей горячностью в защиту внутренней церковной свободы писал митрополит Иосиф в письме архимандриту Льву: *«Мы зовем вас и укрепляем ваши силы на борьбу за независимость Церкви, только совсем не так, как Вы полагаете должным: не согласием с поработителями этой Церкви и убийцами Ее святой независимости, выявляющейся сейчас в Ее святом бесправии, а громким и решительным протестом против всякого соглашательства и лживых компромиссов и предательства интересов Ее интересам безбожного мракобесия и ожесточенной борьбой со Христом и Его Церковью»*⁵⁶.

Тема отказа митрополита Сергия от борьбы за внутреннюю свободу или независимость Церкви в известных письмах самого митрополита Агафангела в таком заостренном виде не поднималась. Однако это еще не означает, что слова в защиту этой свободы появились в воззвании без его участия. Он мог даже отчетливее других представлять, какую цену заплатил митрополит Сергей за легализацию своего церковного управления. Как было сказано, Тучков на рубеже 1926–1927 годов предлагал святителю Агафангелу возглавить подобное легализованное управление при условии подчинения внутренней жизни Церкви контролю со стороны ОГПУ. Он отказался от такой сомнительной чести. *Программу всецелого подчинения начала духовного и Божественного в домостроительстве церковном началу мирскому и земному Ярославский святитель отверг. Подписаться под воззванием, в котором такая программа осуждалась во всеуслышание, было для него вполне естественным.*

Далее в Ярославском обращении говорилось о требовании *лояльного отношения к гражданской власти*. *«Мы приветствуем это требование, – писали Ярославские иерархи, – и свидетельствуем, что мы всегда были, есть и будем лояльны и послушны гражданской власти; все-*

⁵⁵ Акты... С. 570–571.

⁵⁶ Шкаровский М.В. Иосифлянство. С. 220; Акты... С. 562.

гда были, есть и будем истинными и добросовестными гражданами нашей родной страны, но это, полагаем, не имеет ничего общего с навязываемыми Вами политиканством и заигрыванием и не обязывает чад Церкви к добровольному отказу от тех прав свободного устройства внутренней религиозной жизни церковного общества, которые даны ему самой гражданской властью (избрание общинами верующих духовных руководителей себе)».

Появление в обращении этих фраз сразу же за словами о попираемой внутрицерковной свободе кажется несколько неожиданным. Очевидно, оно было вызвано желанием составителей воззвания не дать повода в их словах о «никому и ничему не нужном угодничестве “внешним”» усмотреть выражение гражданской нелояльности. Митрополит Сергей, как известно, начиная с июля 1927 г. довольно активно использовал такой прием, когда несогласие с его политикой объявлялось следствием контрреволюционной настроенности протестующих⁵⁷. В результате эти протестующие автоматически ставились под удар ОГПУ. На самом же деле дилемма – либо принять политику Заместителя, либо расписаться в своей принадлежности к контрреволюции (со всеми вытекающими последствиями) – создавалась искусственно. Вопрос стоял иначе.

Выступления большинства оппонентов Заместителя были направлены не против гражданской лояльности, а против услужливости власти. Святитель Серафим (Самойлович) писал в своем личном письме митрополиту Сергию от 6 февраля: «Мы – лояльные граждане СССР, покорно исполняем все веления советской власти, никогда не собирались и не собираемся бунтовать против нее, но хотим быть честными и правдивыми членами и Церкви Христовой на земле и не «перекрашиваться в советские цвета»⁵⁸, потому что знаем, что это бесполезно и этому люди серьезные и правдивые не поверят»⁵⁹. Ту же мысль, только в более резких словах, выражал и митрополит Иосиф в своих собственноручных показаниях от 27 сентября 1930 года об отношении к современным ему церковным событиям: «Лакейский подход Сергия к Власти в его церковной политике – факт неопровержимый. И вся Советская печать гораздо злее и ядовитее нас высмеяла это лакейство и в

⁵⁷ В Декларации от 29 июля 1927 г. Заместитель уже наперед объявил несогласных с ним людьми, не желающими понять «знамений времени», которым «и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с православием» (Акты... С. 512).

⁵⁸ Фраза «и тихоновцам пришлось перекрашиваться в советские цвета» содержалась в глумливом комментарии к Декларации митрополита Сергия, которым сопроводил ее публикацию редактор «Известий» (см.: Среди церковников // Известия ВЦИК. 1927 г. № 188 (3122). 19 авг. С. 4).

⁵⁹ Акты... С. 571.

стихах, и особых фельетонах, и юмористических иллюстрациях. Почему же нам это воспрещено? [...] Сергей хочет быть лакеем Сов. Власти, мы — хотим быть честными, лояльными гражданами Сов. Республики с правами человека, а не лакея, и только»⁶⁰.

Как видно, лояльность здесь понималась как отказ от участия в политической борьбе с советской властью, как нейтралитет по отношению к ней. Митрополит Сергей же, с точки зрения его оппонентов, перешел с позиции нейтралитета, занятой еще святителем Тихоном в годы гражданской войны, на позицию политической солидарности с властью, стал служить ей. Это-то и вызывало возмущения, а не просто лояльность (в смысле аполитичности Церкви). По этой причине заявления оппозиционных митрополиту Сергию епископов о лояльности советской власти были достаточно обычным явлением⁶¹. Неудивительно, что такое заявление оказалось и в Ярославском воззвании, и довольно трудно определить, кому именно могла принадлежать инициатива включения его туда.

Что же касается попутной апелляции к гражданскому законодательству (праву избрания общинами верующих духовных руководителей себе), то она, с точки зрения церковного сознания, была, вероятно, самым неудачным местом во всем обращении. Было ясно, что советские законы о религиозных организациях принимались не для того, чтобы оградить внутрицерковную свободу, а для того, чтобы способствовать дроблению и ослаблению Церкви. В письмах представителям власти, в показаниях на следствии и других подобных документах ссылки представителей «правой» церковной оппозиции на советские законы встречаются нередко⁶². Но в церковном документе, каковым является Ярославское воззвание, они, конечно, не могли не резать слух. Крайне жестко прокомментировал это место в своем разборе обращения Ярославских иерархов митрополит Елевферий: *«Не прибавляй они последних слов о даровании советской властью “чадам Церкви” “права свободного устройства внутренней религиозной жизни церковного общества” в выборе себе духовных руководителей, еще можно было бы читать те строки с доверием к искренности составителей их. Тут изнутри смотрит и страх, страх естественный перед дателями церковных прав, и тонкое, но большее политиканство, чем то, если бы кто-либо хотел найти таковое в послании митрополита*

⁶⁰ «Я иду только за Христом...» С. 393–394. Подчеркнуто митрополитом Иосифом.

⁶¹ См., например, составленный епископом Василием (Зеленцовым) отклик соловецких епископов на июльскую Декларацию (Акты... С. 515–516).

⁶² См., например, показания митрополита Иосифа от 22 сентября 1930 года («Я иду только за Христом...» С. 386).

Сергия»⁶³. Вероятно, и сами Ярославские иерархи понимали, что не вполне искренняя ссылка на советские законы может скомпрометировать их выступление в глазах церковного общества.

«На место возведенной Христом внутрицерковной свободы, – продолжали авторы обращения к митрополиту Сергию, – Вами вводится административный произвол, от которого много потерпела Церковь и раньше». Далее говорилось о том, в чем этот произвол прежде всего проявлялся: *«По личному своему усмотрению Вы практикуете бесцельное, ничем не оправдываемое перемещение епископов, часто вопреки желанию их самих и их паствы, назначение викариев, без ведома епархиальных архиереев, запрещение неугодных Вам епископов в священнослужении и т.п.»*

Митрополит Елевферий в своем разборе дал этому месту следующий комментарий: *«Конкретизация обобщенных указаний якобы неканонических деяний митрополита Сергия, вероятнее всего, имела место только в Ярославской и Петроградской епархиях в связи с назначением архиепископа Иосифа Петроградским митрополитом, ибо действия митрополита Сергия и Синода в этой области в отношении других епархий, за отсутствием специального осведомительного о них органа, едва ли были известны ярославским иерархам»*⁶⁴. Не вызывает сомнения то, что Ярославские иерархи здесь действительно в первую очередь имели в виду перемещение митрополита Иосифа (только не на Петроградскую кафедру, а на Одесскую) и запрещение в служении двух его викариев. Эти действия митрополита Сергия вызвали наиболее заметный резонанс и были известны лучше, чем другие, им подобные. Однако было много и других случаев сомнительных, с точки зрения церковной пользы, перемещений архиереев, о которых в церковной среде знали и без *«специального осведомительного органа»* типа «ЖМП» (митрополит Елевферий почему-то не принимал в расчет существование весьма интенсивной переписки, которую вели даже ссыльные иерархи, не говоря уже о находившихся на свободе). На слуху, например, была история, связанная с выступлением епископа Виктора (Островидова) – выступлением, поводом к которому также послужило его перемещение на другую кафедру⁶⁵. В каноническом

⁶³ Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии. С. 308.

⁶⁴ Там же. С. 310.

⁶⁵ Об этом выступлении речь заходила даже в беседе митрополита Сергия с делегацией ленинградских оппозиционеров в декабре 1927 года. *«Ничего вам не будет, – сказал тогда Заместитель ленинградцам по поводу возможных гонений на них. – Вот епископ Виктор открыто выступал против меня и благополучно сидит, никто не трогает его»* (Шыпин В., прот. Русская Православная Церковь: 1925–1938. М., 1999. С. 152).

обосновании «иосифлянами» своего отхода от Заместителя, написанном вскоре после выхода в свет Ярославского воззвания, говорилось об *одновременном переводе свыше сорока епископов*⁶⁶. Подсчет, произведенный автором настоящей работы, показал, что это число не было завышено (правда, следует оговориться, что понимать под *одновременностью перевода*). По этому подсчету, в период с начала апреля 1927 года (времени возвращения митрополита Сергия к управлению Русской Церковью) по начало февраля 1928 года (времени обнародования Ярославского воззвания) новые назначения на кафедры получили сорок пять православных российских архиереев⁶⁷ (не считая вновь хиротонисанных и принятых из обновленческого и григорианского расколов), причем некоторые из них даже не по одному разу⁶⁸. Таким образом, в указании воззвания на *бесцельные перемещения епископов* видеть вслед за митрополитом Елевферием лишь «*прозрачное отображение петроградской смуты*» было бы неправильно.

В наибольшей мере влияние митрополита Иосифа может быть усмотрено в последней, «резольютивной» части воззвания: «*Мы, епископы Ярославской церковной области, сознавая лежащую на нас ответственность перед Богом за вверенных нашему пастырскому руководству духовных чад наших и почитая священным долгом своим всемерно охранять чистоту Святой Православной веры и завещанную Христом свобо-*

⁶⁶ См.: Акты... С. 585.

⁶⁷ Митрополит Иосиф (Петровых), архиепископы Арсений (Смоленец), Борис (Шипулин), Варлаам (Ряшенцев), Гавриил (Воеводин), Дамиан (Воскресенский), Иннокентий (Ястребов), Киприан (Комаровский), Константин (Дьяков), Серафим (Остроумов), Фаддей (Успенский), Феофан (Туляков), епископы Алексей (Готовцев), Алексей (Орлов), Андрей (Комаров), Василий (Беляев), Виктор (Островидов), Георгий (Анисимов), Евгений (Кобранов), Иаков (Маскаев), Иннокентий (Летяев), Иоанн (Братолюбов), Иоасаф (Шишковский-Дрылевский), Кирилл (Соколов), Лука (Войно-Ясенецкий), Макарий (Звездов), Митрофан (Гринев), Никита (Делекторский), Николай (Амассийский), Николай (Ипатов), Николай (Могилевский), Николай (Никольский), Никон (Дегтяренко), Нифонт (Фомин), Павел (Введенский), Павел (Вильковский), Павел (Гальковский), Павел (Флоринский), Павлин (Крошечкин), Серафим (Силичев), Софроний (Арефьев), Стефан (Виноградов), Стефан (Знамировский), Филипп (Гумилевский), Флавиан (Сорокин). Сведения об их перемещениях (возможно, неполные и не во всем точные) почерпнуты из приложения к книге «Акты Святейшего Патриарха Тихона» (С. 957–996).

⁶⁸ Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), например, будучи епископом Ташкентским, в сентябре 1927 г. получил с коротким интервалом подряд три указа о переводе его на другие кафедры. По его собственному признанию, он «*хотел безропотно подчиниться этим переводам*», но бывший с ним в дружбе митрополит Арсений (Стадницкий) ему «*настойчиво советовал никуда не ехать, а подать прошение об увольнении на покой*» (что епископ Лука и сделал) («Я полюбил страдание...»: Автобиография. М.: Русский хронограф, 1995. С. 67).

ду устройства внутренней религиозной церковной жизни, в целях успокоения смущенной совести верующих, за неимением другого выхода из создавшегося рокового для Церкви положения отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за Вами и за Вашим Синодом право на высшее управление Церковью». Что означают слова «мы отделяемся от Вас», митрополиту Агафангелу и его викариям затем пришлось истолковывать особо. Причем истолкование было таким, что становилось ясно: в понятие «отделение» Ярославские иерархи вкладывали несколько иной смысл, нежели митрополит Иосиф и его ленинградские единомышленники.

Свое отделение от митрополита Сергия ярославцы (как, впрочем, и ленинградцы) не мыслили как создание какой-то новой церковной юрисдикции. «Мы остаемся, – заявляли они, – во всем верными и послушными чадами Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, неизменно пребываем в иерархическом подчинении Местоблюстителю Патриаршего Престола Высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому, и через него сохраняем каноническое и молитвенное общение со всеми Восточными Православными Церквями. Оставаясь незыблемо на таком твердом основании, мы будем управлять Ярославской церковной областью и руководить своими паствами в деле угождения Богу и душевного спасения САМОСТОЯТЕЛЬНО – в строгом согласии с Словом Божиим, общецерковными канонами, правилами и преданиями, с постановлениями Всероссийского Собора 1917–1918 гг., с неотмененными распоряжениями Высшей Церковной Власти предсоборного периода, а также с распоряжениями Святейшего Патриарха Тихона, его Синода и Совета».

В конце воззвания оговаривалось время, в течение которого должно было продолжаться самоуправление Ярославской епархии: «Настоящее решение наше остается в силе впредь или до сознания Вами неправильности Ваших руководственных действий и мероприятий и открытого раскаяния в Ваших заблуждениях, или до возвращения к власти Высокопреосвященного митрополита Петра»⁶⁹. В этих заключительных словах обращения можно увидеть и его, вероятно, главную цель: побудить митрополита Сергия к открытому раскаянию.

В целом, анализ содержания Ярославского обращения приводит к выводу, что оно явилось результатом именно коллективного труда, причем митрополит Агафангел в его составлении сыграл одну из ведущих ролей (а в составлении его первой части, без сомнения, главную роль).

Кроме того, следует иметь в виду, что к его составлению могли быть (и скорее всего, были) причастны и не только лица, его подпи-

⁶⁹ Акты... С. 573–574.

савшие. Митрополит Иосиф, например, свидетельствовал о влиянии, оказанном на ярославцев мучеником Михаилом Новоселовым. Так, на допросе 19 ноября 1930 года он показал: *«Новоселов больше говорил и влиял на митрополита Агафангела и [...] на архиепископа Серафима. Ко мне Новоселов приезжал один раз вместе с Серафимом. На отход Агафангела и его группы, на их оформление в самостоятельное течение — он повлиял в том смысле, что подлил, как говорится, масла в огонь: он подтолкнул их на том пути — на котором они уже стояли»*⁷⁰.

Существует и не менее важное свидетельство митрополита Иосифа о своеобразной причастности к появлению на свет Ярославской декларации еще одного весьма «заинтересованного» лица. *«Прежде чем эта декларация получила широкую огласку, — показывал митрополит Иосиф на следствии в 1930 году, — митрополит Агафангел и я были неожиданно вызваны в Ярославское ГПУ, где нас принял приехавший из Москвы тов[арищ] Тучков (пославший также и за митрополитом Агафангелом). Тучков задал Агафангелу вопрос, что такое затевается в Ярославле против Сергия, митрополит Агафангел сообщил сущность своей декларации и при этом спросил: как вы посмотрите на это выступление, не находите ли его контрреволюционным, долженствующим вызвать с вашей стороны какие-либо неприятности (репрессии) для нас, или нет. Тов[арищ] Тучков заявил, что этого он не думает, и никакого вмешательства в ваши дела со стороны ГПУ не предполагается. Затем, после некоторых разговоров о делах церковных оба мы были отпущены с миром»*⁷¹.

В показаниях митрополита Иосифа не сказано, но вполне вероятно, что Тучков не только осведомился о предполагаемом содержании Ярославского обращения, но и высказал какие-то свои «пожелания» на этот счет. Может быть, он и подал «идею» внести в текст обращения упоминание о советских законах, якобы давших Церкви столько прав, — упоминание, вызвавшее затем серьезные нарекания в церковной среде.

Повлиял ли Тучков каким-то образом на содержание Ярославского воззвания или нет — неизвестно, но само по себе свидетельство о том, что он, заранее узнав о готовящемся выступлении, ему не воспрепятствовал, — это свидетельство выглядит весьма правдоподобно (да и едва ли митрополит Иосиф стал бы на следствии сообщать о Тучкове что-либо, чего в действительности не было). В планы ОГПУ по уничтожению Русской Церкви по частям выступление ярославцев вполне вписывалось. Власти специально провоцировали появление внутри-

⁷⁰ «Я иду только за Христом...» С. 416.

⁷¹ Там же. С. 408–409.

церковной оппозиции с тем, чтобы, дав ей выступить, развернуть после этого против нее репрессии. Это может быть очень хорошо проиллюстрировано на примере внутренних документов ОГПУ, в которых шла речь о возникновении ленинградской оппозиции митрополиту Сергию⁷². И в случае с Ярославской епархией вскоре после обнародования антисергиевского воззвания два подписавших его архиерея (архиепископ Серафим и митрополит Иосиф), с точки зрения властей, очевидно, наиболее опасные, были без суда и следствия из нее высланы.

В отчете перед высшим партийно-государственным руководством органы ОГПУ о Ярославском выступлении не могли не упомянуть. В обзоре политического состояния СССР за февраль 1928 г. о нем содержалось следующее сообщение: *«В начале февраля группа ярославских церковников (Агафангел, Иосиф Петровых, Серафим Самойлович и др.) с целью поврать с митрополитом Сергием выпустила от своего имени обращение к Сергию: “Отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за Вами и Вашим “синодом” права на высшее управление церковью». Данное выступление реакционных церковников большого числа последователей, кроме оппозиционно настроенных епископов, не имело»*⁷³. О том, что предприняли сами органы ОГПУ, чтобы число последователей Ярославского выступления не стало большим, они в обзоре предпочли не распространяться.

Оценивая в целом Ярославское выступление февраля 1928 г., можно сказать, что из всех антисергиевских заявлений конца 1920-х годов оно явилось по-своему самым значимым. То обстоятельство, что трое иерархов, принявшим в нем участие, до этого довелось исполнять обязанности главы Русской Церкви, некоторых наводило на мысль (хотя зачастую уже *post factum*) о возможности применения разработанной на Соборе 1917–1918 годов канонической процедуры увещания первенствующего иерарха (применительно к 1928 г. – митрополита Сергия) и последующего предания его церковному суду. В статье 8-й соборного Определения «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России» от 8 декабря 1917 г. говорилось: *«При нарушении Патриархом его обязанностей, в зависимости от свойств этого нарушения, три старейших члена Священного Синода или члены Высшего Церковного Совета в архиерейском сане делают Патриарху братское представление; в случае безуспешности сего дела-*

⁷² См.: «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову» // Богословский сборник. Вып. 10. С. 362–385; «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову» и не только ему // Богословский сборник. Вып. 11. С. 330–367.

⁷³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 6. С. 141.

ют вторичное представление; при безуспешности же этого представления принимают дальнейшие меры согласно ст. 10». В 10-й статье речь уже шла о суде над Патриархом⁷⁴.

В антисергиевской полемике встречались прямые ссылки на эти статьи соборного определения, причем именно в контексте рассуждений о выступлении Ярославских иерархов. Так, в документе, озаглавленном «Голос верующего» (документ, правда, датирован неделей Торжества Православия 1929 г.), цитировалась 8-я статья о действиях трех старейших иерархов, а далее следовало такое замечание: «Старейшими же иерархами в данном случае явились митрополит Ярославский Агафангел, митрополит Ленинградский Иосиф и архиепископ Угличский Серафим, не по рукоположению, а по степени каноничности своих прав, так как:

1) М[итрополит] Агафангел указан в патриаршем завещании от 25 дек[абря] [19]24 г. / 7 янв[аря] [19]25 г., как второй местоблюститель.

2) М[итрополит] Иосиф указан актом от 6 дек[абря] 1925 г., как третий заместитель патриаршего местоблюстителя (второй заместитель экзарх Украины м[итрополит] Михаил за написание своей декларации от 4/17 ноября [19]27 г. потерял свои права на замещение и в настоящее время доверием церкви не пользуется).

3) Архиеп[ископ] Серафим Угличский был назначен м[итрополитом] Иосифом и управлял церковью во время изоляции м[итрополита] Сергия»⁷⁵.

В приписываемой протоиерею Феодору Андрееву и мученику Михаилу Новоселову брошюре «Беседа двух друзей» эта мысль развивалась дальше: «Протест старейших русских иерархов Русской Церкви митрополита Агафангела, митрополита Иосифа, архиепископа Серафима от 24 января / 6 февраля 1928 г. был сделан на основании ст. 8 соборного определения от 8 декабря 1917 г. Этот протест должен быть сделан вторично официальным путем и, если, после вторичного вразумления, митрополит Сергей не исправит своих ошибок, то, согласно ст. 10 того же соборного определения, епископат должен собрать 2/3 наличных епископских голосов и предать его (митрополита Сергия) церковному суду, заменив его другим заместителем»⁷⁶.

В другом месте в брошюре говорилось: «Ярославские архипастыри допустили ошибку в том, что не сделали, согласно требованиям канонов

⁷⁴ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994. (Репр. воспр. изд.: М., 1918.) Вып. 1. С. 6.

⁷⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. 9. Л. 77.

⁷⁶ Андреев Ф., прот., Новоселов М.А. Беседа двух друзей // Православная жизнь. 1999. № 6. С. 30.

Церкви, троекратно представления митрополиту Сергию его ошибок официальным путем, путь же неофициальный для этого недостаточен, т. к. о нем большинство епископата и верующих не знают, а посему никто и не последовал за ними. Т.е., другими словами, Ярославские архипастыри в точности не исполнили заповедь Христа о согрешившем брате (Мф 18. 15–17), они обличили его наедине, но т. к. он не послушался, то им следовало бы поведать о том Церкви, но они этого не сделали, а прямо, хотя только административно, отделились от него»⁷⁷.

Таким образом, по поводу выступления Ярославских иерархов выражалось сожаление, что они упустили возможность сразиться с Заместителем его же оружием – оружием формальных процедур. Надо думать, однако, что им с самого начала была понятна бесперспективность такого пути в условиях того времени. Вести неспешную официальную переписку с митрополитом Сергием, а затем начать собирать голоса епископов можно было лишь в том случае, если бы Церковь в СССР в решении своих внутренних проблем была представлена сама себе и над протестующими против политики Заместителя не висел бы меч репрессий со стороны ОГПУ. Кроме того, зная, с кем они имели дело, Ярославские иерархи могли не сомневаться, что митрополит Сергей нашел бы в их «официальном» заявлении, будь оно сделано, множество слабых в формальном отношении мест (например, то, что в соборном определении шла речь о *старейших членах Священного Синода или членах Высшего Церковного Совета в архиерейском сане*, каковыми Ярославские иерархи не были; сами эти органы к тому времени либо прекратили свое существование, как ВЦС, либо были полностью видоизменены, как Синод). Наконец, общеизвестной была способность митрополита Сергия самих своих обвинителей быстро ставить в положение обвиняемых. Тем более что в отношении митрополита Иосифа необходимый для предания его суду обвинительный материал у Заместителя уже как будто бы имелся (обвинение в поддержке «*учинивших раскол*» Ленинградских викариев). Выдвинуть при желании какое-нибудь подобное обвинение в отношении митрополита Агафангела и архиепископа Серафима для митрополита Сергия также не составило бы большого труда.

Архиепископ Серафим писал в письме от 19 мая 1928 г. Т.Л. Кагуар по поводу рассуждений, подобным тем, что изложены в «Беседе двух друзей»: «*Нас упрекают, что мы порвали с [митрополитом] С[ергием], не употребив формы увещания. Но вы знаете, как много раз увещевал я, наш Авва, М.А., дядя и др. — а Е. Ник. даже до смерти*»⁷⁸. Все

⁷⁷ Там же. С. 15–16.

⁷⁸ Косик О.В. «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Уг-

эти увещания мало действовали на Заместителя, повторять подобные опыты не имело особого смысла (хотя, как видно из следующих слов архиепископа Серафима, несмотря на это, он ради блага церковного согласен был писать и *официальные формы увещания*).

Однако и при всем своем неофициальном характере Ярославское воззвание имело огромное значение. Можно было оспорить, имели ли тогда Высокопреосвященные Агафангел, Иосиф и Серафим особые права *старейших иерархов*, но в любом случае это были иерархи очень известные в церковной среде и имевшие немалый авторитет. Их нельзя было, как какого-нибудь епископа Алексия (Буя), просто взять и запретить в служении, объясняя при этом всем интересующимся, что, дескать, этот *«действительный Буй»* обманным путем *«в годы церковной разрухи»* добился *«продвижения себя по иерархической лестнице»* из келейников во епископы⁷⁹. Ярославские святители себя *по иерархической лестнице*, да еще пользуясь *церковной разрухой*, не продвигали. Напротив, все знали, сколько усилий ими было приложено для преодоления этой разрухи.

Сложившаяся в феврале 1928 г. ситуация для Заместителя была критической. Движение протеста против его политики достигло невиданных прежде масштабов. Если бы митрополит Агафангел, имевший не меньше, чем митрополит Сергей, прав на возглавление Русской Церкви, объявил, что готов вновь вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя, не исключено, что Заместитель мог бы потерять контроль над положением. В отличие от ситуации 1926 г. вокруг святителя Агафангела не было своего рода области отчуждения от него церковного общества. Напротив, область отчуждения разрасталась вокруг митрополита Сергия. В связи с этим архиепископ Серафим (Самойлович), например, писал митрополиту Сергию: *«Мне кажется, что один из выходов из создавшегося положения – это обратить Вам и всем православно-мыслящим верующим нашей страны свои взоры к старейшему иерарху Российской Церкви Высокопреосвященному Агафангелу, митрополиту Ярославскому. [...] Протяните к нему свои братские руки, скажите ему свое теплое братское слово, попро-*

лического от 20 января 1929 года // Богословский сборник. Вып. 11. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 311–312. Предположительно, *«наш Авва»* – это архимандрит Неофит (Осипов), *«М.А.»* – митрополит Агафангел, *«дядя»* – мученик Михаил Новоселов, *«Е. Ник.»* – епископ Николай (Никольский), скончавшийся вскоре после резкого разговора с Заместителем. Какие конкретно их увещания имел здесь в виду архиепископ Серафим, не совсем понятно.

⁷⁹ См.: Характеристика епископа Алексия (Буя), составленная канцелярией Патриаршего Священного Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя // Акты... С. 622.

сите его помочь Вам выйти из ужасного тягостного положения и передайте ему заместительские права впредь до возвращения к власти Высокопреосвященного Петра, митрополита Крутицкого»⁸⁰.

К такому же выходу из создавшегося положения склонялись тогда и некоторые другие представители церковной оппозиции, в том числе один из самых активных ее деятелей – мученик Михаил Новоселов. Митрополитом Иосифом на этот счет в ноябре 1930 г. были даны следующие показания: «Он [Новоселов], передавая мне мнение какой-то «группы интеллигентных верующих» о необходимости возглавления церковников, не согласных с политикой митрополита Сергия, только информировал меня о том, что решено митрополита Агафангела просить возглавить новую церковную организацию, которая, по существу, тогда только складывалась»⁸¹. Правда, из показаний того же митрополита Иосифа следует, что сам М.А. Новоселов предпочел бы видеть во главе оппозиции другого иерарха. «Позже, – показал митрополит Иосиф, – архиепископ Серафим Угличский показал мне, переслав, кажется, его, письмо Новоселова, в котором последний анализировал троих лиц с точки зрения пригодности их к возглавлению нового церковного течения. Относительно меня и Агафангела говорилось, что мы мало для этого пригодны: я – как склонный более к созерцательной жизни, а Агафангел – как престарелый. Называя Серафима “сынком”, Новоселов выдвигал на эту роль его, как более молодого и энергичного»⁸². Однако видно, что и М. А. Новоселов, вопреки личным предпочтениям, готов был в какой-то момент обратиться к митрополиту Агафангелу с призывом встать во главе отделившейся от Заместителя части Русской Церкви.

Письма, в которых выражалась готовность признать святителя Агафангела своим если не иерархическим, то, по крайней мере, духовным возглавителем, зимой-весной 1928 г. поступали к нему из разных мест России. Так, например, в письме от представителей одной из церквей города Иркутска говорилось (письмо датировано днем 19 марта 1928 г.): «Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко. Исторический акт, подписанный Вами и единомысленными с Вами архипастырями Ярославской церковной области 24 января [ст. ст.] сего 1928 года достиг, наконец, и родного Вашему Высокопреосвященству Иркутска. До последней буквы разделяя роковую необходимость и своевременность такого выступления против создавшейся невыносимо тяжелой атмосферы в области высшего управления Российской Церковью, когда от личного произвола митрополита Сергия

⁸⁰ Там же. С. 572.

⁸¹ «Я иду только за Христом...» С. 417.

⁸² Там же. С. 416.

и его “Священного Патриаршего Синода” немало пострадала правда и в нашей Иркутской церкви, мы, нижеподписавшиеся, решили, в интересах защиты поправленной правды, обратиться к Вашему Высокопреосвященству с настоящим нашим письмом».

Далее в письме перед митрополитом Агафангелом ставился ряд вопросов, в частности такие: *«Можете ли Вы, Ваше Высокопреосвященство, принять Иркутскую Глазковскую Николо-Иннокентьевскую общину под свое духовное православное окормление на тех строго канонических, Православную Церковь содержащихся, началах, кои возведены в подписанном Вашим Высокопреосвященством акте от 24 января 1928 г., и [...] можете ли поручить непосредственное руководство этой православной общиной проживающему в г. Иркутске единомысленному с Вами Преосвященному Венедикту [Плотникову], епископу Кронштадтскому, или Преосвященному епископу Забайкальскому Евсевию [Рождественскому], после заявленного им единомыслия на платформе акта 24 января»⁸³.*

Действительно ли названные епископы были тогда во всем единомысленны митрополиту Агафангелу, уверенности нет (впоследствии и тот и другой приняли назначения на кафедры от митрополита Сергия). Важно, однако, что предложения о *принятии под духовное окормление* от представителей других епархий к митрополиту Агафангелу поступали, и неизвестно, как стали бы разворачиваться события, если бы он во всеуслышание заявил, что готов их всех принять.

Святитель Агафангел таких заявлений делать не стал. Вероятно, сказались тяжелые воспоминания о событиях 1926 года. Он понимал, что в случае его выхода за границы полномочий епархиального архиерея Заместителем будут вновь подняты все те же аргументы, усугубленные к тому еще и ссылками на последовавший тогда со стороны митрополита Агафангела отказ от местоблюстительства и принятие этого отказа митрополитом Петром. Архиепископу Серафиму, призывавшему *обратить взоры к митрополиту Агафангелу*, равно как и всем, кто готов был это сделать, митрополит Сергей именно так затем и ответил, процитировав слова Патриаршего Местоблюстителя из его послания от 1 января 1927 г.: *«За отказом митрополита Агафангела – вопрос о его местоблюстительстве отпадает сам собою. И посему подвергнутся строгому суду-осуждению те, кто, прикрываясь благами Церкви, станут употреблять усилия выдвинуть старца Божия на местоблюстительский пост, – они будут чинить тяжкое преступление пред Св. Церковью»⁸⁴.* Это предостережение митрополита Петра, обра-

⁸³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. 4. Л. 508–509.

⁸⁴ Акты... С. 590.

ценное тогда, прежде всего, против раскольников-григориан, пытавшихся вовлечь Ярославского святителя в свои интриги, оказывалось теперь для митрополита Сергия как нельзя более кстати.

Однако и в том случае, если бы митрополит Агафангел не стал претендовать на пост Местоблюстителя (что и произошло), его пример объявления о *самостоятельном* управлении епархией был для Заместителя крайне опасен. Могла начаться цепная реакция в других епархиях. Были иерархи, желавшие последовать за ярославцами. В качестве иллюстрации можно привести показания управлявшего до февраля 1928 года Каргопольской и Олонецкой епархиями епископа Василия (Докторова) (фигурирующий в его показаниях Большаков Иван Евграфович – в прошлом видный хлеботорговец, а в конце 1920-х годов активный прихожанин и член двадцатки одного из храмов Ленинграда): *«С момента выпуска митрополитом Сергием декларации я от Большакова стал получать письма, в которых он писал, что митр[ополит] Сергей проданся большевикам, выпустил воззвание и указ о молении за власть. Предупреждал меня не входить в общение с митропол[итом] Сергием и присоединиться к митрополиту Иосифу и Ленинградскому епископу Дмитрию Любимову. При своих письмах Большаков присылал документы, написанные в защиту отхода от митрополита Сергия многих епископов и духовенства»*.

Епископ Василий не уточнял, какие именно документы были ему присланы, но поскольку он говорил про *отход от митрополита Сергия многих епископов*, можно думать, что Ярославское воззвание было среди них. Во всяком случае, действия, которые он предпринял или собирался предпринять, были весьма похожи на действия Ярославских иерархов. *«Я, – продолжал епископ Василий, – не зная сущности отхода, все же по присланным документам и письмам Большакова прекратил поминовение за службой митр[ополита] Сергия и поминал только Петра Крутицкого. Боясь, что за прекращение поминовения я буду лишен епархии, я и хотел создать автокефалию с подчинением только Петру Крутицкому, т. е. фактически перейти на сторону истинно-православных, но, по-видимому, о моих действиях прослышал митр[ополит] Сергей и указом от управления епархии меня устранил и прислал на мое место епископа Артемия. После этого я вынужден был поехать в Ленинград»*⁸⁵. Увольнение епископа Василия произошло 19 февраля 1928 г.⁸⁶, то есть через 13 дней после Ярославского акта. В случае с Каргопольским епископом митрополит Сергей успел пре-

⁸⁵ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-77463. Т. 3. Л. 7–7 об.; ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. 5. Л. 62–62 об.

⁸⁶ См.: *Шкаровский М.В.* Иосифлянство. С. 278.

дотворратить нежелательное для себя развитие событий. Но мог и не успеть.

Конечно, нельзя упускать из виду того, что многие архиереи (не менее сорока) за время, прошедшее с момента издания июльской Декларации, были перемещены Заместителем с кафедры на кафедру и, из послушания приняв от него назначения (согласованные с ОГПУ), оказались своего рода заложниками проводимой им политики. Они уже подчинились митрополиту Сергию, и выступать после этого с протестами против него им было трудно. (Отсюда такое нежелание митрополита Иосифа и некоторых других иерархов принимать после 1927 года назначения от Заместителя.) Однако митрополит Сергей был вынужден делать все больше уступок ОГПУ, а каких-то положительных для Церкви результатов от этого было все меньше. Смущение от происходившего вокруг нарастало и в среде тех, кто ранее оказывал Заместителю послушание. Гарантий того, что они и далее пребудут в послушании ему, что бы ни произошло, не было.

Заканчивая разговор об обстоятельствах и значении выступления Ярославской оппозиции в начале 1928 г., можно кратко суммировать сказанное следующим образом. Было бы ошибкой считать действия Ярославских иерархов (за исключением, быть может, младшего из них – епископа Евгения) следствием каких-то личных обид и недоразумений, ранее случавшихся у них с митрополитом Сергием. Конечно, их выступление нельзя рассматривать вне контекста предшествовавших ему церковно-исторических событий, в том числе и ленинградских событий, толчком к которым послужило смещение митрополита Иосифа с кафедры. Однако протест ярославцев был направлен не столько против конкретных административных действий Заместителя Местоблюстителя, сколько против его политики в целом. Главное обвинение, выдвигавшееся ими против митрополита Сергия, было прямо сформулировано в их обращении от 6 февраля 1928 г.: *«никому и ничему не нужное угодничество “внешним”, не оставляющее места для важного условия устройства церковной жизни по заветам Христа и Евангелия – свободы, дарованной Церкви Ее Небесным Основателем и присущей самой природе Ее – Церкви»*. В составлении этого обращения, ставшего кульминационным актом Ярославского выступления, как показывает анализ его содержания, святитель Агафангел принял весьма активное участие. Говорить, что он лишь пассивно следовал за своими викариями, нельзя. Выступление Ярославских архиереев во главе со святителем Агафангелом, в силу того места, которое они занимали в ряду Российской иерархии, было чрезвычайно важным. Для митрополита Сергия сложилась критическая си-

туация: оппозиция ему приобрела небывалую силу и грозила усилиться еще более. Если бы митрополит Агафангел и его единомышленники имели своей целью добиться перехода к ним церковной власти, они вполне могли бы рассчитывать на успех (при условии, конечно, невмешательства ОГПУ в церковные дела). Однако цель у них была другая: не произвести «переворот» в Церкви, а побудить митрополита Сергия к *открытому раскаянию*.

Как показывает дальнейший ход событий, этой своей цели Ярославские иерархи не достигли.

THE YAROSLAV HIERARCHS IN OPPOSITION TO METROPOLITAN SERGIUS (STRAGORODSKY) AND METROPOLITAN AGATHANGEL (PREOBRAZHENSKY)

PRIEST ALEXANDER MASYRIN

The author of the article investigates the case of the action which took place in 1928 and was aimed against the temporary administrator of the Russian Orthodox Church, Metropolitan Sergius of Nizhny Novgorod. The action was undertaken by a group of hierarchs headed by Metropolitan Agathangel of Yaroslavl. The article deals with the events preceding the opposition of the Yaroslav hierarchs. The author analyses the causes which led the Yaroslav hierarchs to the declaration about their separation from the deputy of Patriarch locum tenens. The author comes to the conclusion, contrary to some other authors', that the hierarchs didn't have any ambitious plans. They were trying to have the Metropolitan Sergius return onto the path of struggle for the internal freedom of the Church by means of confession. But under the circumstances of that time this task proved to be impossible of achievement.